

РЕФЕРАТЫ

ДЖОН УРРИ СОЦИОЛОГИЯ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ОБЩЕСТВ. МОБИЛЬНОСТИ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОГО СТОЛЕТИЯ

John Urry
Sociology beyond Societies.
Mobilities for the twenty-first century.
London and New York: Routledge, 2000. – IX, 255 p.

Джон Урри ставит целью разработать категории, которые будут иметь важное значение для социологии нового тысячелетия. Важнейшей представляется категория «мобильность». Соответственно, общая задача книги формулируется так: «Я стремлюсь представить манифест социологии, которая изучает различные мобильности –людей, вещей, образов, информации и отходов, а также изучает сложные взаимодействия между этими различными мобильностями и их социальные последствия» (с.1).

Все эти мобильности трансформируют предмет социологии, которая обычно фокусировала свое внимание на «отдельных обществах» и их общих свойствах. Развитие различных глобальных «сетей и потоков» размывает эндогенные социальные структуры, которые, как считалось, способны воспроизводить себя. В связи с этим Урри намеревается рассмотреть понятие «социальное как общество» и показать, что в будущем оно не сможет выполнять функции организующего понятия социологического анализа. Конкретно речь идет о новой «повестке дня» для социологии как «дисциплины».

Всякому стремлению пересмотреть значение и функции «общества» как центрального понятия социологического анализа обычно противопоставляют три аргумента. Первый заключается в утверждении, что «общество» никогда не было ключевым социологическим понятием; эти функции выполняли другие, такие как «осмысленное действие», «агентность», «интеракция» или «мировая система». Вторым аргументом состоит в том, что общества по-прежнему представляют собой мощные образования, а национальные государства в состоянии обеспечить поддержание существующих структур власти и внутри, и вовне. Третий аргумент заключается в том, что «глобализация» подрывает самую основу социологии, которая утрачивает свое центральное понятие «общество», то, следовательно, не могущая ничем заменить это понятие социология обречена на угасание.

На это можно возразить также с помощью трех аргументов. Прежде всего, западная социология исторически была организована как рассуждение о национальном «обществе», об условиях, поддерживающих его структурирование («функциональная интеграция», «социальный конфликт» или «базис и надстройка»). Такое социальное структурирование было связано с понятием гражданства в национальном государстве и обществе, с гарантиями прав и обязанностей гражданина.

Во-вторых, мощь общества становится проблематичной из-за крупномасштабных передвижений и связанных с ними технологий. Мобильности, имеющие сложную пространственно-временную структуру, ставят под вопрос «социальную управляемость». Подобные мобильности размывают национальные границы.

В-третьих, эти мобильности, предполагающие множественность и беспорядочность границ, формируют новую повестку дня для социологии. И эта

повестка дня связана в первую очередь с мобильностью. При этом речь идет не о мобильности в привычном для прежней социологии смысле. Социология должна обратиться к «горизонтальным мобильностям», связанным с перемещениями не только людей, но и вещей. Социология должна стать «дисциплиной, организованной вокруг сетей, мобильности и горизонтальных потоков». «Социология мобильности» замещает «социологию социального как общества».

Традиционная социология исходила из следующего теоретического представления. «Всякое общество – это суверенная социальная сущность со своим национальным государством, которое определяет и обеспечивает права и обязанности каждого члена, или гражданина. Большинство основных видов социальных отношений реализуется в территориальных пределах данного общества. Государство обладает монополией юрисдикции или управления по отношению к членам общества, проживающим в пределах территории, которое занимает государство. Экономика, политика, культура, классы и т.п. структурируются социетально. В сочетании они образуют то, что обычно концептуализируется как «социальная структура». Такая структура организует и регулирует жизненные шансы каждого члена общества» (с.8).

Социология специализировалась на описании и объяснении современных обществ, обществ промышленного капитализма, которые противопоставляла предшествующим им обществам.

Социология в рамках академического разделения труда опиралась на дюркгеймовское определение сферы социального, которая подлежит самостоятельному исследованию. В какой-то мере социология при этом ориентировалась на биологию. Время от времени появлялись теории, считавшие, что ключевым социологическим понятием должна быть агентность*, интеракция, ментальность членов общества, мировая система, культура, но все это были «маргинальные», по мнению автора, рассуждения, не затрагивавшие главной ориентации на объяснение характера социального порядка, отличного от природного.

«Глобальные процессы» в своей совокупности меняют контуры современного социального опыта. Отправным пунктом анализа современной социальной ситуации могут служить следующие моменты (здесь Дж. Урри опирается на М. Манна): нет единого глобального общества; существуют «исключительные уровни» взаимозависимости; непредсказуемые «ударные волны» из какой-то одной части расходятся по всей системе; на планете есть не только «общества», но и могущественные «империи», охватывающие ее; наблюдается массовая мобильность людей, вещей, а также экологически опасных отходов. (Данная книга призвана сделать определенные социологические выводы из указанной характеристики современной социальной ситуации).

Характеристика сегодняшнего мира, содержащаяся в тезисе о глобализации, вызывает весьма различные реакции. Энтузиасты глобализации приветствуют ее как процесс, ведущий к новому «золотому веку», когда преодолеются ограничения, налагаемые обществами и особенно национальными государствами.

Другая реакция заключается в указании на современный мир как на новое средневековье, как на возврат Запада к досовременной эпохе. И для средневекового мира было характерно отсутствие четких территориальных границ и «обществ»; наложение друг на друга различных сфер и форм юрисдикции и идентичностей.

Однако, при любом подходе видно, что социальные отношения изменяются под воздействием «нечеловеческих объектов» – машин, технологий, текстов, образов, физической среды и т.п. В то же время человеческие возможности во все большей степени определяются сложными взаимосвязями людей с материальными объектами.

* Agency – действие; или, точнее, действование. – Прим. ред.

Это означает, с точки зрения анализа, что человеческий и физический миры нельзя рассматривать раздельно, например, как общество и природу. Речь должна идти о «гибридах» человека и «нечеловеческих объектов». Общества конституируются как субъектами, так и объектами.

Огромную роль в конституировании того или иного общества играют его отношения с другими обществами. «Общества конституировали друг друга в течение двух последних столетий» (с.18). И данное обстоятельство требует от социологии «мобильного теоретизирования».

Новое видение «социального» реализуется посредством ряда «новых правил метода», важнейшее из которых состоит в использовании метафор. Урри утверждает, что наше понимание общества и социальной жизни базируется на различных метафорах и находит отражение в них. Более того, по его мнению, «социологическая мысль, как и всякая другая форма мышления, не может реализовываться не-метафорически» (с.21). Соответственно, предлагаемое в данной книге теоретическое рассмотрение социальной жизни опирается на метафоры «сеть», «поток» и «путешествие» и их версии. Эти и некоторые другие метафоры призваны прежде всего способствовать разработке продуктивных метафор «глобализации» и «глобального».

В основу социальной жизни составляет множество разнообразных мобильностей. Эти процессы лучше всего могут быть выражены посредством метафор, прежде всего, «метафор мобильности» и «метафор путешествия».

Так, широкое распространение в последнее время получила метафора «кочевник». «Кочевник», «кочевники» призваны охарактеризовать общества с элементами «детерриториализации», размывания центра, значительной подвижностью населения. Кроме того, эта метафора может быть использована для характеристики критически настроенного сознания, сопротивляющегося господствующим культурным кодам.

К метафоре «кочевник» примыкают отчасти противостоящие ей метафоры «бродяга» и «турист». Метафора «бродяга» призвана снять элементы осмысленности, направленности и упорядоченности движения, присущий метафоре «кочевник». Метафора «турист» указывает на организованное движение людей, склонных навязывать чужим местностям свои смыслы, а также свои стандарты счастья как «постоянного отпуска».

К данному ряду метафор можно отнести и метафоры «судно», «гостиница», «мотель», выражающие особое «промежуточное» состояние между пребыванием в фиксированных местах труда, проживания и отдыха. Когда люди самыми различными способами пересекаются на пароходах, в гостиницах, мотелях, залах ожидания в аэропортах и т.д., в известной мере забываются или стираются характеризующие их жесткие социальные показатели.

Особое значение в современной социологии приобретают «метафоры глобального», или «метафоры глобализации». Основными являются метафоры «сеть» и «поток». В первую очередь эти метафоры призваны создать новую «социальную топологию», способную заменить топологию и метафорику «региона», вокруг которой организовано понятие «общество».

«Сеть» не означает лишь «социальную сеть». Ссылаясь на Кастельса, Урри пишет о том, что конвергенция социальной эволюции и информационных технологий создала новую материальную основу для осуществления тех или иных видов деятельности во всей социальной структуре. Материальная основа, встроенная в различные сети, оформляет саму социальную структуру. Сети образуют сложные и устойчивые связи в пространстве и времени между людьми и вещами. Материальная база связана с различными новыми машинами и технологиями, позволяющими

ужимать пространство и время: оптоволоконные кабели, реактивные самолеты, средства передачи аудиовизуальной информации, компьютерные сети, включая Интернет, спутники, кредитные карточки, факсы, мобильные телефоны и т.п. Все эти технологии «несут» людей, информацию, деньги, образы и т.д. Они позволяют, в числе прочего, мгновенно пересекать и пространство национального государства, и его границы.

Автор считает целесообразным провести различие между «скейпами» (scapes) и «потоками». «Скейпы – это сети машин, технологий, организаций, текстов и действующих лиц, образующие различные взаимосвязанные узлы, по которым могут осуществляться те или иные потоки» (с.35). Выделяются следующие основные скейпы: транспортировка людей по воздуху, морем, по железной дороге, по автомобильным и прочим дорогам; транспортировка вещей посредством почтовых и прочих систем; проволочные и прочие кабели; микроволновые каналы, используемые в телефонах; радио- и телевизионные спутники; оптоволоконный кабель для телефонов, телевидения и компьютеров. Когда установлены скейпы, то и индивиды, и особенно корпорации, обычно стремятся соединиться с ними, став узлом внутри той или иной сети.

Некоторые скейпы организуются на глобальном уровне. Примерами могут служить ООН, Всемирный банк, Майкрософт, Гринпис, ЕС, церемония присуждения Оскара, ЮНЕСКО, Международное Олимпийское движение, Европейский суд по правам человека, английский язык и т.д.

В противоположность структурированным скейпам *потоки* образуют люди, образы, информация, деньги и отходы, которые бесконтрольно пересекают национальные границы. Потоки несут в себе определенные угрозы и риски: распространение болезней, например, СПИДа; экологические угрозы, связанные с передвижением «ядерных монстров»; утрата национального суверенитета и т.д. В то же время потоки сулят и новые благоприятные возможности: относительно недорогие путешествия; возможность приобретать товары, произведенные во всем мире; использование коммуникационных средств, таких как Интернет.

Все это в совокупности означает известное «опустошение» существующих обществ, возможность дистанцироваться от «центра» общества, приобрести определенную свободу от давления конкретного общества.

Рассмотрение различного рода мобильностей, конституирующих современную социальную жизнь, находит продолжение в обращении к «социально-пространственным практикам, сопряженным с путешествием» (с.50). Сначала рассматривается «телесное путешествие». Главное внимание при этом уделяется историческим формам нашего передвижения, туризма и фигуре фланера по крупному городу. Современные формы физического перемещения, связанные с современными средствами передвижения, являются одновременно и продолжением, и трансформацией традиционных форм физического передвижения.

Особое внимание получает авто-мобильность, или передвижение посредством автомобиля – «гибрида социальной и технической систем». Автомобиль – основной продукт индивидуального потребления, основное средство приобретения «квази-приватной» мобильности, важнейший социализационный и культурный инструмент современности. И при этом социология – прежде всего, промышленная социология, социология потребления и урбанистская социология – уделила этому феномену явно недостаточное внимание.

Промышленная социология должна была обратить внимание на то, каким образом массовое производство автомобилей преобразовало жизнь общества, особенно, когда, в соответствии с фордистскими принципами, «демократизировалось» обладание

автомобилем. Социология потребления должна была заметить, что автомобиль делает возможным разнообразные формы мобильности и вообще делает возможной «культуру автомобиля», а не ограничиваться исследованием статусных аспектов обладания автомобилем. Социология города явно недооценивает различные аспекты мобильности, сопряженным с этим транспортным средством. «В общем социология рассматривала автомобиль как нейтральное технологическое средство, допуская при этом, что сопряженные с ним аспекты жизни могли бы так или иначе существовать и без связи с автомобилем. Социология проигнорировала ключевое значение автомобиля, который не есть лишь система производства или потребления. Значение автомобиля в том, что он преобразует гражданскую жизнь, преобразует жилье, путешествие и социализацию посредством автомобилизованного временного пространства. Гражданские общества Запада – это общества авто-мобильности» (с.59).

Изучение «мобильности вещей» призвано пролить свет на их «человеческий и социальный контекст». Главное здесь заключается в том, что объекты зачастую передвигаются вместе с людьми, а это предполагает, что в какой-то форме передвигаются или путешествуют культуры, к которым относятся вещи и люди.

После анализа «телесной мобильности» и «мобильности вещей» автор обращается к рассмотрению «воображаемых мобильностей». Речь идет главным образом о «воображаемом путешествии». Ключевую роль здесь играют телевидение и радио. Именно они осуществляют все основные коммуникационные обмены между домами, где живут люди, и внешним миром. Более того, «во многих отношениях телевидение есть культура. Оно опосредует все другие культурные процессы, включая культуру автомобиля, о которой шла речь выше» (с.68). Телевидение продуцирует «глобальную деревню», размывает границы между приватным и публичным.

Телевидение (и радио) означает «воображаемое путешествие», когда события и люди из самых дальних уголков планеты буквально входят в наш дом и преобразуют нашу повседневную жизнь.

Особым видом мобильности является «виртуальное путешествие». Как и в случае с телевидением, компьютеры означают дематериализацию средств сообщения и коммуникации. Мобильность приобретает «характер мгновенности». Становится возможным буквально ощущать присутствие других людей, не двигаясь физически самому и не приводя в физическое движение какие-либо объекты.

Встреча людей и их интеракция в мультимедийной среде, прежде всего в киберпространстве обладают исключительными возможностями и мощью, социальные последствия которых непредсказуемы. «Интернет сам представляет собой весьма любопытное новое социально-техническое явление – бесформенное, хаотичное, изменчивое и непредсказуемое» (с.70). Социальные последствия других технологий также трудно представимы. В этом отношении весьма примечательным примером может служить сочетание компьютера с мобильным телефоном.

В настоящее время киберпространство – это покрытое глобальными сетями, опирающееся на компьютеры, многомерное множество накладывающихся друг на друга виртуальных «сообществ». В киберпространстве «размываются» границы человеческого тела, и люди взаимодействуют гораздо более плотно, чем в эпоху машин и часов. Кроме того, отношение между человеком и машиной – это отношение, базирующееся на внутреннем взаимном общении, а не отношении использования или действия новых машин.

Изменения в среде обитания и функционирования, описанные выше, влекут за собой и изменения в функционировании органов чувств человека, изменения в самом характере сенсорного отношения к реальности. Объектом рассмотрения становится зрение ввиду «гегемонии видения», присущей западной культуре в последние столетия.

Соответственно, рассмотрение видения носит в значительной мере исторический характер. Социальная и культурная специфика современной способности видеть резюмируется в словах о том, что «зрение оказалось взаимосвязанным с воображаемым и виртуальным путешествием, с живой жизнью на экране» (с.104).

(В значительной мере исторический характер принимает в книге и рассмотрение обоняния. Достаточно подробно рассказывается об отношении к запахам в истории европейской цивилизации, в первую очередь о реализации стремления избавиться от неприятных запахов, связанных с жизнью в городах).

Взаимопереплетение зрения, видения, с воображаемым и виртуальным путешествием свидетельствует о тесной связи между зрением и временем. Со временем теснейшим образом связаны и разнообразные мобильности. Мобильности вообще неотделимы от темпоральности. Соответственно, социология обязана сделать время одним из своих основных объектов.

При рассмотрении времени автор сначала рассказывает об истории утверждения современного понимания времени – «часового времени», а затем воспроизводит воззрения на природу времени ряда известных социологов и философов прошлого – М. Вебера, П. Сорокина, Дж.Г. Мида, Р. Мертона, А. Бергсона, М. Хайдеггера, Г. Башляра.

Далее исследуется проводимое многими социальными учеными, в том числе социологами, различие «природного» и «социального» времени. Урри не приемлет такого различия. По его мнению, оно опирается на неправильные или устаревшие модели постижения времени в естественных науках. Не следует, однако, и прибегать к прямому заимствованию естественнонаучных моделей времени в социальных науках. «Учитывая по необходимости метафорический характер социальных наук, нужно обратиться к вопросу о том, а не могут ли те или иные новые достижения естественных наук способствовать выработке продуктивных метафор для понимания мобильности и времени в социальных науках. Это могут быть метафоры, способные заменить механистическое, линейное и симметричное понятие часового времени» (с.123).

Для обсуждения предлагаются две метафоры. Первая – «мгновенное время». Это те непостижимо краткие мгновения, восприятие которых совершенно недоступно человеческому опыту, и с которыми сопряжено функционирование новейших информационных и коммуникационных технологий. Как одновременные, или мгновенные можно охарактеризовать те социальные и технические отношения, которые заменяют основанные на логике часового времени, с ее разделением во времени причин и следствий. Наконец, мгновенное время – это метафора для выражения исключительно краткосрочного и фрагментированного времени, даже если оно не является в буквальном смысле мгновенным и одновременным.

Такая метафора применима к «коллажу» событий, предстающих в новостных программах как одновременных, невзирая на различие мест, где они происходят. Это явление описывалось как «мгновенная повсеместность», как производство «глобального настоящего».

Мгновенное, или одновременное время имеет свои социальные последствия. От людей требуется все более быстрая реакция на происходящее. В особенности это относится к тем, кто должен принимать важные и ответственные решения.

Быстрота функционирования, скорость реагирования вкупе с использованием технологий, базирующихся на мгновенном времени, приводит к тому, что «будущее во все большей мере растворяется в протяженном настоящем» (с.128). Исследования показывают, что молодые люди представляют будущее как мгновенное, как все более укорачивающееся. Ускоряющийся ритм жизни порождает не только пессимизм в отношении будущего, но и стресс, поскольку становится все труднее справляться с изменением жизненных стилей.

Мгновенное время оказывает воздействие на все стороны жизни, в том числе на формы жилища, соответственно на способы «проживания», или «обитания». «Проживание» может быть связано с часовым временем, а другие формы «проживания» сопряжены с мгновенным временем глобальных сетей и потоков. Существуют, вместе с тем, и такие формы проживания, которые целесообразнее увязать с «ледниковым временем». «Различные местные сообщества организованы посредством различных темпоральностей» (с.139). Отчасти это означает, что такие сообщества несут память о весьма разных социальных группах, которые когда-то в истории проживали в соответствующих местностях или как-то иначе были связаны с ними.

Наряду с географически близкими стабильными сообществами существуют и сообщества, которые не предполагают «географической близости» образующих их людей. Речь идет о «группах самопомощи», организациях прямого действия, этнических образованиях, женских группах, путешественниках, группах для проведения досуга, группах геев и лесбиянок, добровольных и экологических организациях и т.п. «Каждая такая группа являет своеобразное сочетание принципов принадлежности и подвижности. Многие представляют собой своего рода культуры сопротивления, горизонтальное продолжение сетей гражданского общества, располагаясь как внутри, так и за пределами национальных государств» с.142). Вместе с некоторыми другими социологами Урри называет их союзами (при этом используется соответствующее немецкое слово - Bund, а само использование этого слова связано со ссылкой на существовавшие в истории Германии небольшие мобильные группы молодых людей, которые стремились придать этим группам характер утраченного сообщества – Gemeinschaft).

В еще большей мере к таким сообществам можно отнести различные группировки, образующиеся на основе общего интереса к пище, животным, вегетарианству, альтернативной медицине, к той или иной местности, к праздникам и т.п. «Такие образования складываются на основе свободного выбора. Люди быстро присоединяются к ним и быстро их покидают. Люди сохраняют членство в силу того эмоционального удовлетворения, которое проистекает из общности целей, общего опыта. Подобные ассоциации дают возможность экспериментировать с новыми способами “обитания”, которые зачастую носят временный характер и предполагают многообразную мобильность» (с.143). Между собой они различаются по степени централизованности, выраженности формальной структуры организации, форм участия на местном уровне, способах действия и т.д.

Рассмотрение форм «обитания», соответственно, различных по своему характеру сообществ и группировок должно найти продолжение в исследовании наций и национальных гражданских обществ.

Такое исследование означает изучение тех обычаев, посредством которых исторически устанавливалась и поддерживалась национальная идентичность, продуцировалось, запоминалось и передавалось национальное наследие. В этом отношении центральное значение имеет нарратив, или повествование нации о самой себе. Национальные истории содержат рассказ о народе, движущемся через историю. Невероятно медленно развертывающееся «ледниковое время» той или иной национальной истории воспринимается как нечто уникальное. Такая национальная история базируется как на измышлении, так и на забвении много из прошлого. Значительную роль в «генеалогии национализма» играли открытие национальных музеев, отбор национальных художников, архитекторов, музыкантов, романистов, историков и т.п. Исторически национализм связан и с превознесением определенных характерных черт физического ландшафта.

В настоящее время «национальное наследие» претерпевает определенные изменения. Прежде всего, следует указать на появление «глобальной публичной сцены, на которой должны представлять и соперничать практически все нации» (с.151). Это осуществляется в первую очередь через средства массовой информации. Кроме того, это происходит на различных выставках и мировых спортивных состязаниях.

Далее, в рамках наций оформились и оформляются все те социальные ассоциации, сообщества и группировки, о которых шла речь выше (при обсуждении времени и форм «обитания»). Все они уже предъявляют «собственное наследие». К таким образованиям примыкают группы, приверженные «этническому национализму». А это так или иначе фрагментирует монолитное национальное сознание. К факторам, способствующим этому процессу, следует отнести и многочисленные «диаспорные общества» со своим «национальным наследием». Ярким примером может служить китайская диаспора с ее чайна-таунами во множестве мест.

Наконец, заслуживают внимания и другие (наряду с диспорной) формы «транснациональной идентификации». Здесь достаточно указать на соответствующие процессы, связанные с европейской интеграцией.

Все описанные только что явления и процессы имеют «последствия в сфере гражданства». Следует, прежде всего, задаться вопросом, означает ли глобализация, что стали или станут излишними формы гражданства, связанные с национальным обществом и национальным государством. Возникает также и вопрос о праве государств регулировать разнообразные глобальные потоки. Наконец, «предполагает ли глобализация универсальные права и обязанности человека? Существуют ли в действительности граждане планеты?» (с.163).

Традиционно представления о гражданстве были связаны с социальной практикой получения и использования гражданства в рамках национального общества и государства. Это обстоятельство находило отражение и в социологической литературе. (Большинство социологических дебатов так или иначе вращалось вокруг известной позиции Т. Маршалла).

В связи с глобализацией, подчеркиванием значения многообразных сообществ внутри национальных обществ появилось понятие «постнациональное гражданство». В значительной мере его увязывают с «гостевой работой», а также с появлением универсалистских правил и концепций прав человека, формализованных в различных кодексах и законах ООН, ЮНЕСКО, ЕС, СЕ, Европейской конвенции о правах человека и т.п.

Переосмысление прав гражданства происходит не только в связи с процессами глобализации, но ставится под сомнение само исключительное право человека на гражданство. Все чаще звучат голоса о необходимости наделять гражданством окружающую среду, особенно, предоставить права гражданства *животным*.

При рассмотрении собственно «глобального гражданства» особого внимания заслуживает разработка концепции права участвовать в «предполагаемом глобальном сообществе», обязанностей внутри него. Гражданин предполагаемого глобального сообщества имеет право:

- мигрировать из одного общества в другое и оставаться там на какое-то время, получив права, сопоставимые с правами коренного населения; иметь возможность возвратиться домой, не утратив при этом право гражданства и прочие права;
- принести с собой свою культуру, а также встретиться на новом месте с «гибридной культурой», которая содержит и элементы культуры приехавшего;
- на полное культурное участие всех социальных групп в мировом обществе (на обладание информацией, знанием, коммуникацию, представительство);

- покупать продукты, услуги, произведенные в самых различных иных культурах, и пользоваться ими в рамках своей собственной культуры;
- образовывать социальные движения с гражданами других стран для противодействия каким-то государствам или группам государств, а также корпорациям;
- мигрировать по планете с целью досуга и «потребления» различных мест;
- обитать в среде, относительно свободной от рисков и угроз здоровью и безопасности.

Гражданин предполагаемого глобального сообщества обязан:

- быть в курсе состояния планеты посредством как национальных, так и интернациональных источников информации;
- демонстрировать установку космополитизма по отношению к другим культурам, средам и людям;
- придерживаться таких форм поведения, которые согласуются со стандартами стабильности и устойчивости;
- реагировать на информацию, образы, повествования и т.п. как граждане планеты, а не как граждане какой-то определенной страны или как члены какого-то определенного этноса, класса и т.д.;
- стремиться убеждать других действовать во имя нашей планеты как целого;
- действовать в терминах глобального общественного интереса, а не в терминах локальных или национальных интересов.

В заключительной части книги Урри вновь возвращается к рассмотрению собственно социологической теории.

Автор обращается к знаменитой метафоре З. Баумана «садоводство», призванной указать на то, что современные общества тщательно охраняются и культивируются государством. «Государство-садовник» заменило прежние, которые можно описать с помощью метафоры «лесник». Оно печется о порядке и благополучии каждого, а «государство-лесник» заботится лишь о поддержании общего порядка для общества, «не вдаваясь в подробности».

По мнению Урри, «новый глобальный порядок влечет возвращение от культивирующего государства к лесническому» (с.180). Именно «лесник», а не «садовник» – адекватная метафора для описания современных социальных процессов. Урри стремится продемонстрировать это применительно к четырем ключевым сферам – «гражданское общество», «государство», «природа» и «глобальное».

Ключевую роль в характеристике современного гражданского общества должна сыграть «автомобильность», поскольку именно она привела к целому ряду поразительных изменений в гражданском обществе. Автомобильность – это источник свободы, «свободы дороги». Автомобиль позволяет водителю быстро перемещаться в любом направлении благодаря (западной) системе дорог, связывающих между собой большинство домов, рабочих мест и мест проведения досуга. Это означает и расширение границ возможного, и сферы доступного как в плане действия, так и в плане проведения досуга.

Очень многое из того, что люди сейчас считают «социальной жизнью», не было бы возможно без автомобиля. Государства дают права на владение и управление автомобилем, обеспечивают соответствующую инфраструктуру, но не определяют, кто и куда едет. Урри указывает еще на три аспекта «мобильного гражданского общества». Во-первых, автомобиль побуждает людей быть осторожными, внимательными и цивилизованными, требует овладения определенными техническими и социальными навыками (но в то же время на дорогах присутствуют агрессия, конкуренция и превышение скорости). Во-вторых, автомобилизация общества вызывает протест (в том

числе и со стороны владельцев автомобилей), который принимает разнообразные и все более изощренные формы. В-третьих, все большая часть физического и, соответственно, публичного пространства становится «средой только для автомобиля». Автомобильность конституирует гражданское общество, в котором движутся орды «гибридов машина-водитель», навязывающих свои правила всем остальным и даже «исключающих» из сферы публичного тех, кто не принадлежит к их числу.

Разнообразные мобильности, о которых шла речь в книге, оказывают свое воздействие и на государства. Современные западные общества осуществляют переход от социальных отношений, базирующихся на территории и государстве, к базирующимся на информации и детерриториализации, поэтому современные государства вынуждены регулировать мобильности различного рода, прежде всего, мобильных граждан. Государства могут опереться на новейшие компьютерные технологии сбора, хранения и распространения информации. Государства во все большей степени обладают информационными потоками, особенно исключительными базами данных, которые дают возможность определять нормативы социального действия и контролировать их внедрение на значительных географических пространствах как внутри, так и за своими пределами. Государство в состоянии обладать базами данных о деятельности практически любого экономического и социального института. Серьезную роль при этом играют многочисленные опросы.

В своей регулирующей и моделирующей деятельности национальные государства могут брать за образец функционирование Европейского Союза. «ЕС предлагает своего рода модель возникающего регулирующего государства. Это небольшое государство, нанимающее небольшое число бюрократов и располагающее скромным бюджетом» (с.199).

Государства будущего, подобно ЕС, не будут концентрировать свои усилия на налогообложении, на собственной экономической деятельности или на программах социального обеспечения. Скорее они во все большей степени будут выполнять функцию правового, экономического и социального регулятора (или «лесника») по отношению к негосударственным сферам деятельности. Такие регулятивные функции возможны только благодаря компьютерным базам данных (причем постоянно обновляемым) о населении, организациях и предприятиях. Социальное регулирование предполагает усиление функций мониторинга и наблюдения. В процессе регулятивного управления важную роль призваны играть средства массовой информации, поскольку они способны сделать публичными функциональные сбои и некоторые неприглядные действия отдельных индивидов или организаций.

В сферу регулятивной деятельности государства входит и регулирование отношения общества к окружающей среде. При этом фактически не существует «национальной» среды, так что выполнение этой функции требует совместных усилий различных государств. Кроме того, при этом необходимо задействовать научные учреждения, экологические организации и т.п.

И государства, и общества сегодня должны иметь дело с «глобальным изменением окружающей среды». Речь идет не только об объективных процессах, но и об оформлении «глобального экологического воззрения» на природу и изменения в отношении к природе и воздействия на нее. «Такая глобализация природы увеличивает возможности деятельного участия со стороны населения нашей планеты» (с.203).

Обращаясь к проблеме «глобального» как такового, Урри отмечает, что «возникающий глобальный порядок – это порядок постоянного беспорядка и нарушения равновесия» (с.208). В качестве примера указывается на появление Интернета как незапланированного следствия усилий военных США на других направлениях, а Интернет – это наиболее стремительно развивающаяся технология.

Другим примером служит практически мгновенный коллапс восточноевропейского социализма, когда стало ясно, что Кремль не способен и не желает решительно действовать. Еще один пример – массовая автомобилизация как угроза экологии планеты. Четвертый состоит в том, что исключительный и почти повсеместный рост «западного потребительства» переделал мир по образу американских торговых центров и тематических парков. В качестве заключительного автор указывает на рост религиозного фундаментализма, стремящегося противостоять возникновению глобального порядка и его всемогущего потребительства, или консьюмеризма. Некоторые социологи даже говорят о конфликте (по аналогии с Макдональдсом) между потребительским «макмиром» и «джихадом» как об основном конфликте рождающегося глобального порядка.

В завершение Урри говорит о том, что наиболее впечатляющих достижений социология добивалась тогда, когда «интересы эмансипации» каких-либо социальных групп или движений стимулировали «социальный анализ». В разное время такими «стимулирующими» группами были рабочий класс, фермеры, представители свободных профессий, городские протестные движения, студенческое движение, женское движение, иммигрантские группы, экологическое движение, движение геев и лесбиянок и т.д. Конечно, они большей частью воздействовали на социологию лишь опосредовано, но их влияние не вызывает сомнений.

В настоящее время оформляется что-то похожее на «глобализирующее гражданское общество». Заметный рост транснациональных гражданских ассоциаций, повсеместное стремление к демократизации и ненасилию, огромные трудности, которые испытывают национальные государства для сохранения своей популярности и легитимности, а также целый ряд усиливающихся глобальных тенденций – все это способствует оформлению «глобального гражданского общества». Именно такой набор социальных трансформаций должен образовать базу «глобального гражданского общества» и развития «социологии мобильности», которая представлена в данной книге.

Ю.А. Кимелев